

Глава 5

Первый – значит, лучший?

На пороге кухни в ремесленном училище появился паренек:

- Ведро с очистками можно взять?

- Бери-бери,- женщины, работавшие там, уже привыкли, что один из учащихся после занятий заходит к ним.- Поросятка держите?

Мальчик от вопроса вдруг растерялся.

- Чего молчишь?

- Мы никого не держим. Нам самим есть нечего, - и он поскорее забрал ведро, боясь, что ему теперь откажут.

А дома на это ведро сразу налетала малышня. Маленькие ручки проворно выбирали очистки и раскладывали их на горячей железной трубе, ведущей от печурки, нагревающей комнату. О мытье всего этого никто и не помышлял. Ждали, когда очистки немного зажарятся, и ели их. Так в основном и питались, потому что хлебные карточки у них были иждивенческие, и хлеба на них давали очень мало. Александр, который учился в ПТУ, был старшим, ему исполнилось 14 лет, а дальше было еще пятеро. В училище его немного кормили, а младшим все время хотелось есть. Пока с ними жила Аннушка, бывшая монашка, инвалид с детства и мамина подруга, было все же повеселее. Эта женщина считалась членом семьи, она во многом помогала матери, работавшей так же, как отец, на заводе, вынянчила всех ребятишек и в трудное время, когда не стало родителей, не бросила их. Ей, бывало, молочка с пол-литра кто-нибудь даст, она выльет его в чашку, разведет водой, и на всех понемногу хватало. Потом Аннушка заболела, ее положили в больницу, и она там умерла. И вот тут ребятишки остались совсем одни. Марине, четвертой по счету в семье Мухиных, было 11 лет. Она помнила маму, которая умерла три года назад. Отец вскоре привел мачеху. Но когда началась война и отец ушел на фронт, мачеха, поняв, что ей одной всю ораву не вытянуть (своих было четверо), ушла, оставив чужих детей. Практически они были брошены на произвол судьбы.

С каждым днем становилось все хуже. Правда, Оню (Онисима) взял учеником к себе в мастерскую один сапожник. Вася (мальчики были двойняшки) тоже туда стал ходить, но его уже там не кормили. А еще оставались самые младшие – Алеша и трехлетняя Оля.

Марина решила устроиться на работу и в поисках ее проводила целые дни. Очень уставала, ведь была еще и голодная. Заходила в артели, в разные организации Перми, но девочке, которая не только имела очень юный возраст, но и рост у нее был маленький, отказывали. Раз, в

метельный февральский день, намучившись бесполезными хождениями и сильно промерзнув в худенькой одежонке, Марина совсем без сил вернулась домой. А там ее ждали гости: мужчина и женщина. Предваряя их слова, Алеша крикнул весело:

- Маринка, а мы в детдом пойдем!

Раньше слово «приют» ее пугало. Но теперь, когда взрослые спросили, согласна ли она пойти в детский дом, ей уже было все равно. Хоть куда, но чтобы не было больше этого голодного и беспросветного пребывания.

До марта жили в детприемнике, а потом группе детей, в том числе и Мухиным, дали путевку в Осинский детский дом. На поезде их довезли до станции Григорьевская, а дальше надо было идти пешком. Дали им в двух наволочках хлеб на дорогу, и вместе с сопровождающим дети отправились в путь. Дошли до реки Кама, переправились по льду на другую сторону, как раз в том месте, где была так называемая «Коммуна» и стояло двухэтажное здание. Их в нем устроили на ночлег. Проснулись утром – а хлеба нет. Старшие ребята из их группы сбежали, прихватив и наволочки с хлебом. До Осы без пропитания было не дотянуть. Снова пошагали через Каму, так как недалеко был Оханск. Снег стал уже сырой и проваливался под ногами. А шли ведь и десятилетние, и пятилетние. К ночи все же пришли. Здесь детей разместили на ночлег в Дом приезжих. Но не в номера, естественно, а на первом этаже под лестницу. Дверь все время открывалась, и с улицы дуло, но все равно спать можно было: все-таки под крышей. Сопровождающий куда-то ходил и пытался выхлопотать карточки на питание. Но карточек не дали. Зато, посчитав, что вновь идти через реку опасно, приняли решение, при согласовании с облоно, разместить детей в детдома Оханска.

-Утром в Дом приезжих к нам пришла совсем молоденькая девушка,- вспоминала впоследствии Марина Петровна Коростелева (Мухина).- На ней был красный беретик, а из-под него выбивались пышные белокурые волосы и ниже пояса спускались косы. Я глаз от нее не могла отвести, так она мне понравилась. Пояснив, что нас оставили в этом городе, девушка сказала, что она – директор первого детского дома, а есть еще второй и третий, и спросила, кто куда хочет. «Ты, девочка, куда бы хотела?»- обратилась она ко мне. «Первый – значит, лучший!»- подумалось мне. Да еще и директор такой симпатичный! И я вместе с братом Алешей пошла в первый детский дом к Александре Федоровне Зелениной, так звали директора в красном беретике. А Оля была в дошкольном детском доме в Кыну, но потом наши хорошие знакомые добились, чтобы ее, когда она достигла школьного возраста, перевели к нам, и мы стали вместе жить. Старшие братья остались в Перми: один в ремесленном и двое - в учениках сапожной мастерской.

Как мне жилось в детском доме?- продолжала свой рассказ Марина Петровна.- Хорошо жилось. Первой моей воспитательницей была Валентина Яковлевна Дружинина, мы ее очень любили за доброе к нам отношение,

**М.П.Коростелева
(Мухина)**

за понимание и поддержку, хотя она тогда была очень молоденькая, только-только после окончания училища. В интернате в коллективе меня любили, никто не обижал. Раз, правда, было такое: один мальчишка все меня дразнил, мне это очень не нравилось; и как-то, запихнув его в угол за печку, я его отдубасила. Больше он меня не трогал. И еще был случай, когда меня с подружкой Зоей Пановой заведующая интернатом валенком побила. Тогда я на нее очень обиделась, а сейчас понимаю, что они ведь отвечали за нас, заботились о нас. Дело же было так: мы пришли вечером с новогоднего праздника (ставили спектакль, и за свою роль в нем я получила премию – кулек гостинцев, и Зою тоже наградили), настроение было очень хорошее. Мы

сняли свои подшитые валенки и положили их сушиться на ночь у самой дверки печки, чтобы получше высохли. Потом пришли другие ребята и тоже положили свои валенки сушиться, при этом невзначай продвинув наши вперед. За ними еще положили... Словом, обгорели наши валенки, у Зои один и у меня один, а цветом они, кстати, были разные: серые и черные. Утром надо в школу бежать, а не в чем. Вот тут нам и досталось. Хуже того, валенок больше не было. Выдали нам брезентовые туфельки, и вторую половину зимы мы в школу бегали в них. Ноги, конечно, очень мерзли. А у себя в интернате за дровами, в столовую мы с Зоей ходили по очереди, одевая один серый и один черный валенок. Вся страна тогда, в годы войны, жила очень трудно, вот и с обувью, с одеждой было нелегко. Например, головные уборы к зиме мы шили сами. Нам для этого давали кусок ткани, вату, мы подстежим, подошьем, и в результате получался капор, причем довольно теплый. И хотя вот так скромно жили, впечатление о нас, детдомовских, у людей складывалось хорошее. Так уже впоследствии одна моя подруга из родительских сказала: «Я к вам зайду в детский дом, и мне казалось, что вы так хорошо живете. Мы как попало одеты. А вы такие всегда аккуратные».

У нас в то время из детдома никто не сбегал. Жили мы очень дружно. У меня были хорошие подруги. Например, Зина Ермакова (после замужества – Шерстобитова), мы с ней и в педучилище вместе учились потом, вместе педагогами стали.

Моей подругой была и Нина Кузнецова, девочка из родительских. Вообще, дружили мы по-честному, по-хорошему. И учиться старались. У меня были одни пятерки. И Зина так же училась. Много добра нам, детдомовским, сделала наш директор Александра Федоровна. Недаром на нее ее родные дети обижались. До полночи была с нами. Сколько

душевных сил отдавала нам! И конкретно для меня она очень много сделала. Дала мне возможность окончить педучилище, учительский институт. Жила я это время, после семилетки, при детдоме. Днем училась, а вечером начиналась моя работа. Я замещала воспитателей, пионервожатую, уборщиц. Ночных нянь в то время еще не было, и уборщица в какой-то степени выполняла их обязанности ночью, а именно: будила тех

Зина Ермакова

ребят, которые страдали ночным недержанием мочи, водила их в туалет, а потом нужно было вымыть пол во всем интернате. Также училась и работала Зоя Макарова. Бывало, нам давали и экстренные задания. К примеру, с учетом, что я неплохо рисовала, мне поручали художественно оформлять пригласительные билеты на какой-либо праздник. Сидишь так всю ночь и вырисовываешь каждый пригласительный. Да и красок ведь не было. Рисовали карандашами, а на новогодних пригласительных, если надо было изобразить снег, исполняли это при помощи зубного порошка. В качестве подкрепления приносили мне на мою трудовую ночь стакан чаю и маленький кусочек хлеба.

Надо сказать, Александра Федоровна создала дружный коллектив сотрудников детского дома. Ни зависти, ни склок никогда у нас не было. Не было и вражды между интернатами. А вот соревнование было. Особенно по подготовке к празднику. Чего только мы ни придумывали, чтобы быть лучшими! То вышьем покрывала на кровати. Настоящих покрывал у нас, конечно, не было, но мы выходили из положения, вышивая простыни и из них делая красивые покрывала. Или накидушечки на подушки вышьем. Смотришь, опять преобразились наши спальни. А потом по интернатам проходила комиссия, в состав которой включали шефов и членов попечительского совета (в такой совет обязательно входили представители райкома партии). Эта комиссия и определяла места среди наших интернатов».

После окончания Оханского учительского института, который давал своим выпускникам неполное высшее образование, Марину Мухину направили в Соликамский район в среднюю школу преподавать русский язык и литературу в 6-8 классах. Но через год Александра Федоровна добилась перевода ее в первый детский дом воспитателем. Так девушка вновь вернулась в дом, ставший ей родным.

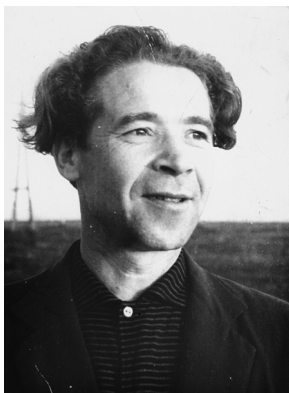
Марина Мухина и Рая Живчикова

Глава 6

Судьбы воспитанников

Из раннего детства зрительная память удержала лишь две картинки: как в деревенской избе топится печь, в которой они с сестренкой пекут печенки, а взрослые ушли кого-то хоронить, и как он, маленький мальчонка, кем-то брошенный, стоит на вокзале и разглядывает паровоз с красными колесами, подходит милиционер и уводит его с собой. Дальше – дошкольный детский дом в Свердловской области. Но в нем случился пожар. Взрослые выбрасывали детей в снег со второго этажа. Их увезли тогда в Осинский детдом, а когда пришла пора идти в школу – перевели в Оханский детский дом №1. Став взрослым, Степан Власович Коростелев долго искал хоть кого-нибудь из родных, но так никого и не нашел.

Марина Мухина со Степаном Коростелевым учились в одном классе. И у обоих были только пятерки и четверки. Девочка знала, что у Степы была мечта – стать агрономом. Он любил работать с землей, что-то садить, выращивать. Но его мечту грубо сломали. Просто из-за какого-то незначительного мальчишеского проступка. Воспитательница вызвала его к себе и стала отчитывать. Она гордилась, что держала в своей группе дисциплину, но бывала груба, невыдержанна. Ей ничего не стоило сказать что-либо оскорбительное подростку, что она тут и сделала: «Ах, ты, засранный агроном!» Степан не сдержался и ответил тем же: «А ты – харя!». Этим он подписал себе приговор. Его хотели, как отличника оставить учиться до десятого класса, чтобы он потом смог поступить в вуз. Но воспитательница заявила в дирекции: «Или он, или я!». Увы, принята была сторона сильного. И Степана, окончившего семилетку, отправили в ремесленное училище в Юго-Камск.

С.В.Коростелев

Проучившись год, на каникулы он приехал в детский дом. Ведь больше ему ехать было

некуда. Но он уже был выпущенный из детдома, и принять его даже на лето, на обеспечение детдом уже не имел право. А работала в то время в столовой детдома тетя Юля. Ей жаль стало паренька, и она предложила ему ехать в деревню к ее матери. Лето, мол, у нее проживешь и поможешь по хозяйству. Степан так и сделал.

Старая женщина очень радушно его встретила. Пригодился он и в местном колхозе. Шла осень 1945-го. Война окончилась, но мужской силы не прибавлялось пока в деревнях (одни погибли, другие еще не были демобилизованы). Был на весь колхоз один мужик, да и то на костылях, он работал бригадиром. Степан с охотой помогал колхозу, выполняя разные работы на лошади. А когда подошло начало нового учебного года и парень собрался уезжать, бригадир стал его уговаривать: мол, давай, хлеб сдадим государству, тогда и поедешь, а в училище я все объясню, ты ведь не гуляешь, а в колхозе работаешь. Степан согласился и работал до конца уборочной, вывозя зерно на приемные пункты. Было-то ему всего 14 лет! Опоздал на учебу чуть ли не на месяц. В те времена за прогулы очень строго наказывали. А здесь ведь ни день, ни два. Решили провести показательный суд. Вступить за мальчишку было некому. И приговорили Коростелева к двум годам тюремного заключения, да еще выплатить все потраченные на него деньги: за обмундирование, за питание, за учебу в течение года. Вот тебе и все мечты!

Он отсидел полностью два года. Посчастливилось ему только в том, что вместе с ним оказался в заключении оханский мужчина, который взял мальчишку под свою опеку и в обиду никому не давал. Вышел на свободу, а куда идти? Опять в детский дом. Приняли его коновозчиком. Степан стал учиться в вечерней школе, а жить в неотапливаемых сенках одного из зданий детдома. Смастерил там себе маленькую печку. Жить было очень трудно, так как из его маленькой зарплаты вычитали деньги по суду.

В ту пору окончил десять классов воспитанник детского дома Гриша Шапран. Он поступил учиться в Казанский университет на юридический факультет. И не шел, видимо, у него из памяти случай со Степаном Коростелевым. Он рассказал об этом своему преподавателю. Тот заинтересовался и сказал, что подумает, как можно помочь. Слово свое сдержал. И вместе с Гришей они сумели вновь поднять эту историю и

Григорий Шапран

добиться пересмотра приговора суда. Степана полностью оправдали. Судимость с него была снята. Выплаченная часть денег возвращена.

К этому времени он уже окончил десятилетку в вечерней школе и поехал в Москву поступать в архитектурный институт. Поступил без проблем. Но в институте не оказалось общежития, а жить больше ему было не у кого. Пошел учиться в строительный техникум, где предоставляли жилье, но это было уже не то, к чему он стремился, и Степан, узнав, что его подруга, Марина Мухина, возвратилась работать в Оханский детский дом, тоже приехал из Москвы, не закончив учебу. Понять его было можно. Имея большие спо-

собности к учебе (да и вообще в любом деле он был мастер), но ранимый душой, юноша чувствовал себя очень одиноким в большом мире взрослой жизни. Одиноким и незащищенным, как, впрочем, многие детдомовцы. Ему бы хоть одного родного человечка! Но у него никого не было. Только Марина. За годы их дружбы она стала близким, дорогим человеком.

Они поженились. Дали им маленькую комнатучку при детском доме. Александра Федоровна приняла Степана опять рабочим, но вскоре перевела в воспитатели. Шел 1953 год.

До 1966 года, то есть до ликвидации первого детского дома, работали в нем супруги Коростелевы. Бывшие воспитанники через многие годы с блеском в глазах вспоминали, рассказывая своим детям, внукам, как здорово у них проходили новогодние праздники. Степан Власович, единственный тогда воспитатель-мужчина, был не только мастер на все руки, но и большой выдумщик. Например, ни в одном оханском детском доме еще не было крутящихся елок, а в первом елка крутилась. Посмотрели, как такое устройство работает во Дворце имени Свердлова, куда ездили по приглашению шефов на новогодний праздник, и у себя сделали. Естественно, делал Степан Власович, а ребята были первыми помощниками. А еще так хотелось, чтобы елка зажглась новогодними огоньками! В Перми видели, как горят на елке гирлянды из разноцветных лампочек. Но где такие лампочки достать? Марина Петровна рассказала о ребячьей мечте Григорию Шапрану, он смог помочь с лампочками. А

гирлянду из них уже сделали сами, предварительно покрыв их гуашью с лаком. Здорово получилось! И шары на елке висели переливающиеся, что тоже было в то время роскошью. Но самое главное и удивительное было – это волшебная комната. Опять же Степан Власович вместе со старшими воспитанниками сделал ее. Огромный страшный паук шевелил в ней лапами, а глаза его зажигались огнями. Были и другие фантастические персонажи, с которыми происходили чудесные превращения. Да и сама комната была как грот (с подсветкой это получилось удивительно). Не только у малышей, даже у взрослых открывались рты, глядя на такие чудеса. Вообще новогодний праздник здесь, стараниями директора и дружного коллектива педагогов, устраивали грандиозным. Все дети получали большие кульки с подарками, в них была масса всякой вкуснятины - от семечек до стряпни.

В дальнейшем Степан Власович Коростелев окончил Московскую высшую партийную школу, работал в партийных органах. Был очень хорошим семьянином. Вместе с женой они воспитали дочку и сына.

Марина Петровна впоследствии получила тоже высшее образование, окончив педагогический институт. После детского дома она работала завучем в начальной школе. Затем – секретарем райисполкома. Но детский дом навсегда вошел в ее жизнь. В ее воспоминаниях немало добрых слов о людях, больших и маленьких, которые жили с ней рядом. Как сложились их судьбы в дальнейшем?

Вера Перепадина**Феша Плотникова****Ольга Бондарева**

Поля Полякова

Люда Евсеева

Игорь Сединин

- Моя подружка Зина Шерстобитова (Ермакова) получила высшее педагогическое образование. Всю жизнь проработала в школе Первоуральска Свердловской области. Вместе с мужем вырастили двух дочерей,- рассказывает Марина Петровна. - Также после педучилища, получив высшее образование, посвятили себя педагогическому труду Полина Полякова, Зоя Панова, Рая Живчикова (Мелехина), Зина Кутюхина, Феша Плотникова, Вера Перепадина, Лиза Сычева, Мария Циреньщикова. Оля Бондарева – тоже педагог, уехала на Алтай. Нина Колегова учила русскому языку и литературе детей в Сибири. Лия Максимова выступала в детдоме с акробатическими этюдами; казалось, у нее кости резиновые, такая она была гибкая; стала учителем физкультуры. Гриша Шапран, получив высшее юридическое образование, работал следователем, а затем прокурором в Глазове. Егор Зайков стал геологом. Люда Евсеева – самобытный художник; она окончила пединститут, дошкольный факультет, работала всю жизнь в детском саду, так все красиво у нее там расписано было! Люся Сальникова живет в Ленинграде. Зина Сорокина стала москвичкой. Витя Угольников окончил горный институт, работал главным инженером. Инженерами стали Нина Анискина, Витя Гаас. Леня Черенев, душа компании, окончил медицинский институт и уехал на Украину. Вова и Валерий Рябовы, братья, стали летчиками; с одним случилась трагедия - он разбился. Коля Ширинкин тоже посвятил себя военной карьере. Роза Гольдербберг работала бухгалтером, а потом уехала в Израиль. Она очень хорошо пела и играла на пианино. Хорошо пел и мой брат Алеша. Они выступали дуэтом. Алеша после выпуска уехал на Украину, работал на заводе, был награжден

орденом «Знак Почета». На заводах Советского Союза работали многие наши ребята и девочки: Вова Садов, Саша Жданов, Толя Осколков, Надя Зуева, Надя Любимова. Тамара Самохина работала в Ташкенте на ткацкой фабрике. Там же жила и работала Тамара Дильфанова. На заводе работала Роза Болиславская. У нее было большое сердце, а она такая бегунья была! Всегда в детдоме в соревнованиях стремилась участвовать. Люся Балмашева окончила железнодорожное училище. Валя Аникина была штукатуром-маляром после ПТУ. Лида Галкина, эвакуированная в войну из блокадного Ленинграда, теперь снова живет в этом городе. Работает в Русском музее. Имея в характере задатки лидера, она работала секретарем райкома комсомола в Оханске, партийным секретарем на часовом заводе в Перми, профсоюзным руководителем. Любила шутку, розыгрыши Люда Бабаева, она после ремесленного работала на Чусовском заводе. Шура Останина делала эмаль-посуду на Лысьвенском заводе. Вера Зотова (Кольцова) посвятила себя семье, она вырастила и воспитала пятерых детей, живут они в Москве.

В 1996 году в детский дом пришло пись-

**В.Я.Дружинина
(Березина)
и Зина Кутюхина**

**Зина
Сорокина**

**Роза
Болиславская**

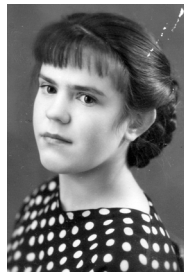
**Нина
Анискина**

**Витя
Угольников**

**Тамара
Дильфанова**

**Неля
Ахмадулина**

Детский дом №1

мо от бывшей воспитанницы детского дома №1 Зои Шакировой (впоследствии, по мужу, Ефремовой): «Нас, группу девочек, выпустили из детского дома в ремесленное училище №2 города Лысьвы, а затем, после его окончания, распределили в Коми-Пермяцкий округ. Была у меня лучшая подруга Аня Дедова, она была выпущена годом раньше в ремесленное училище №1 Сталинского района Перми. Мы с ней потерялись, и я теперь не знаю ее судьбу. Сама я сейчас живу в поселке Студенческий Белоярского района Свердловской области, работаю токарем в ремонтных мастерских. От детства на всю жизнь в душе моей осталась любимая учительница русского языка и литературы Александра Федоровна Кузнецова».

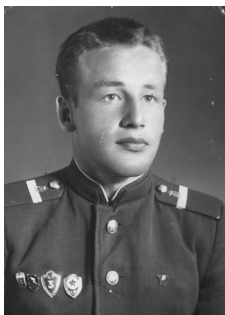
Да сколько их было, детдомовских, выбравших верный путь в жизни! И сколько их, шмыгающих носом, сидело на кожаном диване в кабинете у директора, делясь своими проблемами! Кабинет у Александры Федоровны был маленький: окно, стол и тот «исторический» кожаный диван. Зная, как трудно выпускникам детдома, не имея родных, определиться в жизни, она советовала, например, ребятам перед армией деньги класть на сберкнижку. Уходя в армию, они оставляли свои книжки Александре Федоровне на хранение, а, возвратившись, покупали на сбереженные деньги себе одежду.

**Надя
Любимова**

**Люда
Бабаева**

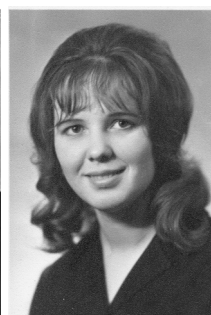
**Виктор
Гаас**

**Егор
Зайков**

**Лидя
Галкина**

**Люся
Сальникова**

Глава 7

Рая Безымова

Рая Безымова

За окошком вьюга, окна покрылись снежными узорами, а в дошкольном детском доме в Полуденной вечером потрескивают дрова в печках, слышно, как в коридорах моют полы, и маленькой девочке становится по-домашнему тепло и уютно. Да это ведь и был ее родной дом, другого она, Рая Безымова, не знала. Память ничего не удержала у малышки, которую бросила мать. И самые первые ее детские воспоминания связаны с дошкольным детским домом и растущими вместе с ней Зоей Макаровой, Таней Мироновой, Сережей Чесноковым и другими,

такими же маленькими девочками и мальчиками.

Из воспитателей в первом детском доме, куда ее перевели, когда пришла пора идти в школу, ей ближе была Лидия Владимировна Голдобина. Женщина даже хотела удочерить Раю, но потом что-то не вышло, и Лидия Владимировна усыновила Володю Бырдаева, их семья впоследствии уехала в Краснодар, там Володя окончил медицинский институт, стал врачом - стоматологом. А Рая отстала в учебе от своих, потому что у нее заболели глаза. По этой же причине ее не брали ни в одно ремесленное училище, ни в ФЗО после семилетки. Дали возможность окончить десять классов. В то время комсомол выдвинул призыв: «Всем классом – в колхоз». Хотели молодыми силами поднимать сельское хозяйство. И Рая поехала. Правда, всем классом не получилось, а точнее – она оказалась в един-

Л.В.Голдобина

ственным числе. Стала работать птичницей в колхозе «Хлебоборб», и библиотекарем там еще работала. Но, видимо, не дано ей было стать колхозницей. Через год она переехала в Пермь и шесть лет работала штукатуром на стройках. Затем окончила курсы бухгалтеров и 25 лет трудилась бухгалтером.

Валя Култышева

друг друга.

- Таня Миронова живет в Чусовом, учительница литературы, - рассказывает Раиса Петровна. - Валя Култышева – в Москве, закончи-

Ася Кудряшова

У нее хорошая семья. Муж – строитель, сварщик. Вместе они - более сорока лет. И Раиса Петровна все это время уже не Безымова, а Чевтаева. У них два взрослых сына, о которых мама может сказать только хорошее. И внуки у них хорошие растут. Мир своей семьи дорог Раисе Петровне. Но дорога ей и память о годах детства, ранней юности. Там тоже была семья, большая и дружная. И хотя много прошло лет, они не растеряли

Иосиф Цынн

тала бы в Кремлевской больнице.

Иосиф Цынн красавцем таким у нас в детдоме был! Многие девчонки в него влюблялись. А он на меня поглядывал. Но - жизнь сводит и разводит. Иосиф был военным, служил в Риге, потом переехал в Рязань и, имея техническое образова-

ние, работал мастером по холодильным установкам. В детском доме он воспитывался вместе с братом Иваном. Гриша Ливщиц у нас – Герой Социалистического Труда. Витя Медведев был спортсменом, в настоящее время его уже нет в живых. Нина Жуланова в детском доме слыла художницей. А Валя Ошмарина и Ася Кудряшова крепко дружили, и эта дружба осталась у них, наверное, на всю жизнь.

Александр Сединин работает на заводе минеральных удобрений, это он нам организовывал встречу в виде прогулки на теплоходе. Я говорю уже о бывших воспитанниках, которые младше нас. Так и Галя Сальникова (теперь – Семенова), она была из последнего выпуска нашего первого детского дома. По профессии – педагог, живет в Перми.

Из воспитателей Раиса Петровна вспоминает добрым словом, кроме Л.Г.Голдобиной, К.Ф.Аристову, Л.Ф.Усталову, Н.В.Сапожникову, пионервожатую Е.А.Шокшуеву (Пономареву), инструктора швейной мастерской А.И.Глазырину, завуча А.Ф.Лазареву и, конечно же, директора А.Ф.Зеленину (Чеснокову). Из школьной жизни запомнились учителя В.П.Баскин, Е.И.Бутылин, А.Н.Беляев, М.Г.Петухов, Э.Г.Беппле, В.П.Тюнева, Д.И.Шефер. А еще у Раи была хорошая школьная подруга (из родительских) Лида Соснина, они вместе окончили десять классов, потом она стала Колчанова, но эта дружба сохранилась и на взрослую жизнь.

Что еще вспоминается из детства? В детском доме учили шить, вышивать. Гладью вышивали большие покрывала на кровати. Дежурили все лето в саду. Прямо там и жили в будке. Было очень удобно бегать на танцы. Танцевали на пятачке у кинотеатра или в городском саду. В жару бегали на Каму купаться. Приносили с собой наволочки, сняв их тайком с подушек, и учились на них плавать. Одежда стирали тоже на Каме. На Зеленую горку ходили за дрсевой. Она нужна была, чтобы мыть полы, которые были некрашенные (покрасили их позже). На Зеленой горке устраивали и праздники. Пели песни, жгли костры. На городские праздники все детские дома шли с духовым оркестром. Выступали гимнасты на стадионе. От первого детского дома запомнились сестры Любимовы.

У детского дома было свое хозяйство с коровами, лошадьми, свинья-

ми. Воспитанники ухаживали за скотиной. Сначала в первом детском доме не было бани, и если большие ходили сами в городскую баню, то маленьких возили на лошади. Обратно везли закутанными в одеяла.

Однажды в первый детский дом пришла новая воспитательница. Говорили, что она перешла из другого детского дома, что она - участница войны, служила в морском флоте, и ребята готовы были ее уважать уже только за это. Но она стала лупить детей. Портфелем хлопала по головам. Ребята постарше сказали об этом К.Ф.Аристовой, которая в то время заведовала интернатом. Вскоре воительницы не стало в детском доме.

После войны с фашистской Германией не все ребята хотели учить немецкий язык. Бегали по коридорам и громко распевали: «Я живу в стране советской – не хочу учить немецкий!». Но учить все равно приходилось.

После войны, когда стали жить получше, директор детского дома А.Ф.Чеснокова старалась закупить отрезы разной ткани. Их раздавали девочкам, и каждая себе могла сшить платье такое, какое она хотела.

В 1959 старшая пионервожатая детского дома №1 Вера Кузнецова в День рождения пионерии писала в местной районной газете «Колхозник»: «Трудом в нашей дружине заняты все пионеры. Организовано восемь бригад: кролиководы, свиноводы, птицеводы, полеводы, овощеводы, садоводы, две бригады строителей. В каждой бригаде по 8-9 человек. В прошлом году нам подарили двух кроликов, а сейчас их уже 52. В этом году кролиководы вырастят 185 кроликов. Птицеводами руководит воспитанница Рая Безымова, ученица девятого класса. Только в апреле она получила 566 яиц от 25 несушек. Садоводы, у которых бригадир Миля Фофанова, в прошлом году собрали 980 килограммов ягод и около 500 килограммов яблок. Ребята из хозяйственно-строительных бригад отремонтировали всю мебель в детдоме, покрасили крыши и подвели фундамент под здание интерната, подвезли и испилили 200 кубометров дров, заготовили и сплавляли 100 кубометров древесины, убрали сено с 12 гектаров. Дружный коллективный труд воспитанников дал экономию детскому дому в 11 тысяч рублей. Кроме того, в этом году ребята собрали 6 тонн металлолома, 20 тонн золы, 300 килограммов птичьего помета, 500 килограммов макулатуры».

Глава 8

Клара

Клара Салаурова

Лето у нас на Урале непредсказуемо: то изнуряет жарой, то повеет такой прохладой, что хочется залезть под теплый плед и носа на улицу не высовывать. Как раз такой вот, далеко не теплый выдался день июля 2007 года. Я приехала в Закамск, чтобы встретиться с Верой Ивановной Поташкиной и Кларой Анатольевной Якуповой. Они жили друг от друга недалеко, и поэтому собраться мы решили у Веры Ивановны. Клара подошла позднее:

- А я тортик купила. К чаю! Будем пить чай и смотреть старые фотографии. Я много их принесла.

В дверях стояла небольшого роста женщины с приветливой улыбкой на лице, только, правда, глаза у нее были при этом все равно грустные. «Она ведь меня совсем не знает, а так доброжелательна», - подумалось мне. С Верой Ивановной мы уже разговаривали, в основном, о ее маме, воспитательнице детского дома К.Ф.Аристовой. Впоследствии я еще не раз бывала в гостях у бывших воспитанников детского дома военного и послевоенного времени, и всегда встречала очень приветливый, доброжелательный прием. И еще - доверие.

- А, может, за пельменями я быстренько сбегать? Человек ведь не дома здесь в Перми (это про меня), поплотнее надо покушать...

Обе женщины охотно вспоминали детский дом. Клару Салаурову (Якуповой она стала после замужества) совсем малюткой привезли в годы войны в Полуденский детский дом. Она ничего не знала о своем происхождении и не хотела об этом говорить. Сказали мне другие, что ее, маленький комочек, в котором еле теплилась жизнь, нашли на муравейнике. Зато Полуденку Клара вспоминала с удовольствием. Ее там любили, как и других малышей, вывезенных из горнила войны. К ней

ласково относились воспитатели. И Клара до сих пор помнит их. Помнит то поистине материнское тепло, которое давали ей женщины. Нине Васильевне Бажуковой, единственной, кто дожил до этих лет, периодически звонит, справляясь о здоровье.

- Я бойкая была в детстве,- говорит Клара Анатольевна.

Потом, как большинство ее сверстниц, пошла после семилетки в профессиональное училище, получила профессию штукатур-маляра.

- Обо мне писать нечего,- замечает Клара.- Давайте о других наших детдомовских мы Вам расскажем.

И раскладывая многочисленные фотографии, она называла все новые имена. Например, Зоя Макарова, окончила медицинский институт, врач в Орле. Шутливо-ласково Зою Гавриловну до сих пор ее сверстники называют Мухой-Цокотухой, вспоминая удачно и неоднократно сыгранную на сцене ею в детстве роль в сказке-пьесе С.Я.Маршак.

Зоя Макарова

Лена Шалберова живет в Перми, училась на штукатур-маляра. Лида Вершинина – токарь. Зоя Матюгина – воспитатель в п.Рождественский, имеет высшее образование. Владимир Шляпников был выпущен в ремесленное училище, учился на столяра. Затем окончил Кемеровское высшее военное училище связи, сейчас живет в Перми. Валя Аникина работала на стройке на башенном кране. Людмила Кропачева (Шматикова) получила тоже строительную профессию...

Мы говорили долго. Вера Ивановна, тоже в общем-то присчитывая себя к детдомовской семье, так как большую часть своего детства

**слева – Ася Кудряшева,
Клара Салаурова**

Валя Аникина

проводила в детском доме, а потом и работала там, оживленно участвовала в беседе. Она и замуж вышла за воспитанника детского дома Геннадия Поташкина. В детский дом в Полуденной он попал двух лет. А в ремесленное училище его выпустили в 13 лет. Мог работать слесарем, столяром, плотником.

...А потом Клара провожала меня до останов-ки, и я как бы невзначай узнала, что вот эти высотные дома, протянувшиеся вдоль закам-ских улиц, строила она в составе строительных бригад.

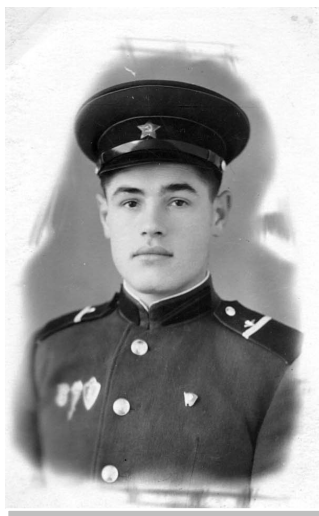
- Сейчас штукатурам гораздо легче работать стало – многое механизировано, и не надо уже на пятые, девятые этажи руками поднимать раствор. А мы поднимали. Порой, казалось, руки от тяжести вытягиваются,- и тихо добавила:

- А теперь здоровья нет. Мои подружки, кто тоже сначала в штукатурку пошел, все потом поменяли профессии. А я вот всю жизнь проработала на стройках.

Еще я узнала, что, когда Клара была моло-дая, она с мужем (он работал водителем на большегрузных машинах) объездила чуть ли не весь Советский Союз. Он ехал в рейс, а она в свой отпуск садилась рядом и путеше-ствовала. Зарплата ведь у нее никогда не была большой, и о покупке путевок не могло быть и речи. А таким способом можно было посмотреть страну.

Многое сегодня осталось в прошлом. Не стало мужа. И волею судьбы Клара в своей квартире осталась опять одна. Может, потому у нее были грустные глаза? «Ты ко мне поча-ще приходи,- сказала на прощание ей Вера.- Не забывай, мы же одна семья».

Тогда я и не предполагала, что наша встре-ча с Кларой последняя. Весной 2008 года ее не стало.

Геннадий Поташкин

Глава 9

Геннадий Старков

Знакомство с Геннадием Ивановичем Старковым у нас произошло через переписку. Я предложила ему ответить на несколько вопросов. Он согласился, но предупредил:

- Вам может не понравиться то, что я пишу, и у Вас может возникнуть обо мне мнение, как об обиженном и униженном воспитаннике.

Нет! Я счастлив, что воспитывался в детском доме, который дал мне прекрасную путевку в жизнь. Научил меня разбираться в жизни, «что такое хорошо и что такое плохо». И впоследствии выбрать правильное направление в жизни. Низкий поклон ему за это и вечная моя к нему любовь и преданность.

Но я не буду ретушировать и раскрашивать радужными красками свое бытие в детдоме. Напишу так, как это было на самом деле. Но учтите, что это - мой взгляд и мои чувства и эмоции на жизнь в детдоме. И, тем не менее, какая бы жизнь ни была, эти годы, проведенные в нем, самые мои лучшие, самые дорогие, и воспоминания о нем всегда греют мою душу.

Итак, вопрос первый:

- Геннадий Иванович, расскажите, как Вы попали в детский дом?

- 20 апреля 1949 года в возрасте восьми лет меня привезли в Оханский детский дом №1. До этого я жил в предместье поселка Юго-Камск, что на другом берегу Камы, в деревне Потанино, у учителей Исуповых.

Валерия Ивановна Исупова, бывший директор Чуваковской начальной школы, в то время находилась уже на пенсии. Дочь ее Маргарита

Николаевна Исупова, учительница, хотя и была инвалидом второй группы, работала директором той же школы.

До 90-х годов упорно ходила версия, что меня бросила мать. Об этом мне твердили и Исуповы. Какое-то детское чувство мне подсказывало, что тут что-то не так. И почему-то Исуповы все время меня учили, чтобы я говорил всем, что я из очень бедной семьи? Но откуда они могли знать, из какой я семьи? И почему мне все время твердили, чтобы я забыл отца и мать? Впрочем, отца я и так не помнил, но без матери я страдал и очень скучал по ней. Правду я узнал, уже живя в Санкт-Петербурге. Но об этом позже.

По своему характеру упрямый и своевольный, даже в то детское время я старался быть больше на улице. Меня тяготило то, что Исуповы заставляли меня сидеть дома за чтением книг и не разрешали играть с деревенскими мальчишками.

Поначалу в школу меня не определили, так как начало учебного года я пропустил. Занятия начались дома, и благодаря усилиям домашних педагогов я за месяц осилил букварь и после зимних каникул пошел в первый класс, уже довольно бегло читая. Так что моя учеба в школе началась не с букваря, а с родной речи (был такой учебник).

Учился я на 4 и 5. Да и попробуй не учись, когда за тройку дома наказывали чтением книжек и пересказыванием прочитанного. А мне нравилось рисовать и петь, а не сидеть за «занудными» книжками. Но порядки в доме были строгие, и приходилось подчиняться.

Помню, если были гости и кто-то выпивал маленькую рюмку вина, опрокидывая ее содержимое в рот и при этом показывая донышко, - вердикт Валерии Ивановны был суров: пьяница. И больше этого человека в гости не приглашали. Если я играл на улице с деревенскими мальчишками, дома меня долго и брезгливо, с заунывными нотациями отмывали. Потому дом Исуповых меня тяготил, и я часто убегал в лес, на речку, в поселок. Летом спал на сеновале, и когда в доме засыпали – поднимал лестницу на сеновал, чтобы ненароком не залезли и не обнаружили мое исчезновение, а сам через слуховое окно убегал «на волю».

И я чувствовал, что Исуповы, их дом были каким-то инородным телом в деревушке Потанино. Но почему они были чужаками, я узнал лишь через полвека.

Помню, раз не захотел идти домой и переночевал на кладбище, среди могил. В другой раз пошел в лес за земляникой и, не собрав ни ягодки, решил до утра побыть в лесу. Просто захотел узнать, чем живет ночной лес. Да и домой с пустой кружкой идти не хотелось.

Конечно, своими необдуманными поступками я доводил Исуповых до нервного стресса, «до пороссячьего визга». Но в то время я был по-детски эгоистичен и делал то, что мне нравилось, нисколько не задумываясь, какие тревоги и беды я приношу близким своим своеволием и непослушанием.

А природа меня завораживала своей красотой, и я просто упивался ею. Я мог подолгу лежать на лугу и неотрывно смотреть в небо. Или сидеть на берегу нашей небольшой речушки Чуваковки и наблюдать за мельтешащими у дна рыбешками и козявками. Или бродить по полям, оврагам, взбираться на дерево и с высоты смотреть на близлежащие окрестности.

Но меня все время преследовало чувство, что как будто эту красоту я вижу в последний раз. Так потом и получилось, что в те места я больше никогда не попадал. Впоследствии в одном из своих стихотворений я писал об этом крае:

...Где я вихрастым пареньком
Пил запахи лугов, как соки,
Перебродившие потом,
Они все выливались в строки.

Где каждый слог, как тихий стон
Щемящей нежности и грусти!
Люблю свой край, им восхищен,
Пусть даже это захолустье...

Но всему есть предел. Предел прочности женских нервов кончился, и они, видимо, устав от моей независимости, сдали меня в Оханский детский дом №1.

Ценное, что приобрел за полтора года, живя у Исуповых, это любовь к чтению, к природе, к честности и порядочности, чистоте и порядку. Особенно мне нравились стихи Кольцова, И.Никитина. А сказку П.П.Ершова «Конек-горбунок» готов был читать и читать. Они привили мне любовь к русскому языку, его чистоте и певучести. Бранные слова напрочь отсутствовали в разговорах. Кстати, я до сих пор не матерюсь и считаю это верхом низости. Хотя весь матерный русский сленг я знаю неплохо, не в изолированном же пространстве я живу!).

Однажды, еще живя у Исуповых, я был в гостях и услышал слово «бардак», что в устах говорившего означало «грязь, хаос в доме». Придя домой и на вопрос, как у них там, я сказал: «Бардак!» От такого ответа бедная старушка Валерия Ивановна чуть не упала в обморок. А тетя Рита ухватила меня за плечи и в ярости зашипела: «Как смеешь, дрянной

мальчишка, говорить такие гадкие слова? И чтоб ноги твоей там больше не было! Так может только говорить быдло неотесанное!» Честно признаться, я был в большом недоумении. Я же не придумал это слово! И если взрослые так говорят, то значит так и надо? И еще я не знал, что такое быдло, и думал, что это неотесанное бревно.

В общем, многое мне было непонятно в этой семье. Меня просто тяготило находиться рядом с ними. Правда, с Валерией Ивановной, довольно доброй в душе, я все же находил точки соприкосновения. Вместе читали книжки. И она постоянно меня учила, что в прочитанном главное, как я это понимаю. Говорила, что не надо текст пересказывать дословно, а надо находить в нем основную мысль и рассказывать своими словами. А с Маргаритой Николаевной, женщиной суровой по натуре, большой скрягой в жизни, мне приходилось тяжело. Порой я ее просто ненавидел. Мне она казалась какой-то хищницей из страшных сказок. Впрочем, я чувствовал, что и она меня весьма недолюбливает. И, конечно, я не знал, что через полвека приеду в Юго-Камск из Петербурга, возьму больную и дряхлую старушку на девятом десятке к себе домой, где она и будет жить до самой смерти. Как впоследствии окажется, у нее, кроме меня, ближе и родней никого не будет. Но это будет потом. А пока я ее порой люто ненавидел.

Как-то, еще живя у Исуповых, я нечаянно услышал разговор. Валерия Ивановна говорила: «Рита, умру я, Генушко не будет с тобой жить. Одна останешься! Он ведь весь в отца. Не терпит зла и насилия над своими чувствами». «За то и поплатился жизнью», - заметила Маргарита Николаевна. Я был крайне удивлен услышанным. Откуда они могут знать про моего отца? Но спросить не решился. Подслушивание вообще не приветствовалось в этой семье.

Помню, когда мне было около пяти лет, маме пришло какое-то письмо. Мама заплакала, и мы стали куда-то собираться. Но не успели. Какие-то дяди посадили маму в комнату, где вместо дверей были решетки. И меня посадили вместе с ней. Но вскоре выпустили, и жизнь наша стала сплошной дорогой. Постоянные переезды из города в город, из деревни в деревню. Пока в ноябре 1947-го не остановились в деревне Потанино. Мама устроилась на работу, ушла и больше не вернулась. А потом появилась женщина, назвалась тетей Ритой и забрала меня к себе домой. Это была М.Н.Исупова.

...После домашней обстановки находиться в интернате, среди чужих, мне было одиноко. Помню, я сидел у окна и сквозь слезы бормотал сочиненное тут же стихотворение:

Нет папы, мамы у меня,

Родительского дома,
Стал воспитанником я
Оханского детдома.

Вот такое грустное настроение у меня было на первых порах.

- Ваши воспоминания о жизни в детском доме?

- Многое забылось, но, как яркие вспышки, до сих пор высвечиваются некоторые фрагменты моей жизни в детдоме, особенно те, которые глубоко тронули мою душу.

В Оханском детском доме №1 я воспитывался с апреля 1949 года по август 1954-го. Директором была Александра Федоровна Чеснокова. Красивая по внешности, суровая по складу характера, умная и требовательная, как к себе, так и к нам, воспитанникам. Настоящий руководитель. Интересно, как гармонически сочеталось в ней быть одновременно и жестко-требовательной, суровой, и справедливой, очень заботливой.

Жизнь в детском доме была хоть и трудная, но веселая. Кроме учебных и культурных мероприятий, мы занимались еще и хозяйственными делами: заготавливали сами дрова, пилили бревна на камском берегу, пололи на детдомовском участке огороды, ходили в лес и собирали для детского дома ягоды. Часто всем интернатом, распевая песни, лепили пельмени. Было и свое подсобное хозяйство, где разводили свиней. Мне несколько раз приходилось их пасти. Была своя конюшня с четырьмя лошадьми. На них старшие ребята работали по хозяйству. В частности, перед выпуском из детского дома я возил воду с городской водоканчки в детский дом.

Когда я перешел в четвертый класс, меня перевели из четвертого интерната во второй. Успеваемость пошла по наклонной резко вниз. С пятерок перешел на четверки, а потом стал крепким троечником. Но был постоянным участником детдомовской самодеятельности. Ездили на смотры в город Молотов (нынешняя Пермь). В хоре мне всегда давали сольные партии. Часто в интернате, уже после отбоя, когда все ложились спать, меня просили что-нибудь почитать или спеть. Я не отказывался и не ломался, потому что мне это самому нравилось. Ребята, да и воспитатели ко мне относились как-то по-особенному.

Воспитательница Мария Ивановна (фамилию ее не помню) вечерами брала несколько воспитанников к себе домой, и там я всем читал какую-нибудь книгу.

Марии Ивановне, высокой и сухопарой женщине, было лет за сорок, жила она без мужа и детей. Может, поэтому и была деспотичной, жестокой. В рукаве своего платья всегда носила ремень. И, заметив непорядок, выхватывала его и лупила провинившегося. Но ко мне она

относилась по-доброму, и я часто на себе ловил ее по-матерински теплый взгляд. Но это продолжалось до определенного момента. А момент этот наступил вскоре.

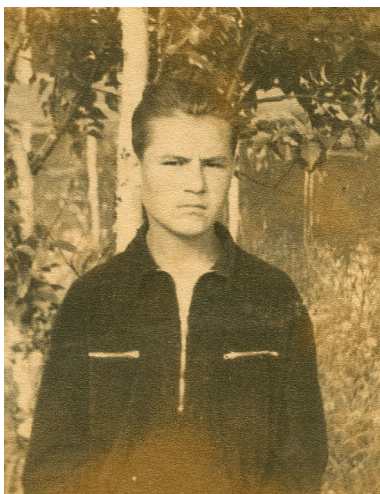
Освоившись на новом месте, оглядевшись, оклемавшись, я опять взялся за старое. Свободолюбивый дух вновь взыграл во мне. Организовывал и подбивал ребят, и мы после отбоя, когда уходили воспитатели по домам, отправлялись то на Каму, то в город, то на огороды. В общем, вели себя вольно. Но вскоре наши ночные вояжи выявились. Видимо, кто-то проболтался. И нас накрыли. Выстроили ночью в одной из комнат в интернате, и вся наша группа несколько часов простояла в строю, пока не выяснили зачинщика. У нас, детдомовских мальчишек, был неписанный закон: никогда и ни при каких обстоятельствах не выдавать. Страшным преступлением было, если кто-нибудь наябедничает. Ему грозило всеобщее презрение и постоянные подзатыльники. Были и драки между собой. Но, в основном, дрались между детдомами. Дрались сначала до первой крови. Если из носа побежит кровь – значит, ты побежден. Но потом дрались до слез. Появление крови не считалось поражением. Если заплакал – значит, побежден. И драка прекращалась. Вот такие были неписанные правила.

...Мне было жаль ребят, которые из-за меня стояли ночью в строю, и я сознался.

Расплата наступила утром. Мария Ивановна завела меня в каморку, где лежали интернатские вещи и белье, и избила меня ремнем. Я заслонялся от ударов руками, стараясь схватить ненавистный ремень. Я не плакал. Я знал, что виновен, поэтому плакать было бы стыдно. Но то, что меня бьет женщина и что я не могу ничего сделать, меня унижало и злило. И, видимо, злость моя была намного сильнее боли. А она вдруг заплакала. Видимо, от бессилия. Опустилась на грудь белья и заплакала.

Я, присев на корточки, дул на вспухшие от ударов ремня полосы и смотрел снизу вверх на плачущую Марию Ивановну, которую даже и в мыслях не представлял плачущей. Мне как-то стало жаль ее, и я сказал: «Да мне нисколько не больно. Вы ведь не сильно меня били». В ее глазах было столько изумления, что она (думаю, от неожиданности) как-то жалобно спросила: «Это правда?»...

С тех пор я стал по-другому смотреть на Марию Ивановну. Я ее не осуждал, а тем более сейчас, понимая, что нервы ее были на пределе и не выдержали. Ведь она отвечала перед государством за нас. А те годы были страшные. Да и педагогического образования у нее не было. За такие проделки мужик на ее месте мог и посильнее задать трепку...

Гена Старков, 14 лет

На другой день, вечером, я ушел из детского дома. Пробираться решил на юг. По берегу Камы пошел вниз по течению. Но путь мне преградила река Очер, где она впадала в Каму. А так как плавать я еще не умел (это потом мы легко переплывали Каму), то, удрученный неудачей, вернулся обратно в детдом. А потом был еще один мой побег из детдома (но о причине побега позже). В общем, превратился я в трудного и нехорошего ребенка. Поэтому меня в 1954 году, после окончания семи классов, отправили в специальное ремесленное училище №3, которое находилось в Молотове. Так закончилась моя детдомовская эпопея. Впоследствии, в одном из своих

ранних стихотворений, я писал:

Три детских дома, фабрика, «лабаз»
И деревянных тротуаров паутина –
Вот весь оханский профиль и анфас,
Куда ни глянь – патриархальная рутина.

Оханский детский дом номер один.
Нас около двухсот там проживало.
Семья большая, но чувство, что один,
Довольно долго здесь меня не покидало.

Нас здесь учили Родину любить,
Воспитывали в духе идеалов.
Бывало так, что и могли побить –
Кто застрахован в воспитании от провалов?..

Но все равно годы, проведенные в детдоме, были лучшими годами моего детства. И я во много благодарен своему детдому. Благодарен, что он воспитал во мне силу духа и стремление, несмотря ни на какие трудности, достигать своих целей. Благодарен, что он привил мне чувство коллективизма, взаимовыручки, порядочности и скромности. Чувство уважения к старшим, к себе. Быть самолюбивым, но не себялю-

бивым. Быть коммуникабельным и делиться последним. И еще множество положительных черт воспитал он в нас.

- Когда Вы начали писать стихи? И как в дальнейшем складывалась Ваша творческая жизнь?

- Писать стихи я начал с семи лет. Музыку чуть позже – с девяти. Но что самое смешное – стихи я начал писать из-за крапивы, которой меня хлестанули по голым ногам.

В то время, когда я жил у Исуповых, у них проездом из Душанбе в Москву остановились племянники Валерии Ивановны: брат и сестра, Глеб и Елена (будущая поэтесса Елена Петрова). Жили они с неделю, но так как Глеб был довольно мрачной фигурой, замкнутой и неразговорчивой, я хвостиком бегал за Еленой.

Как-то она стирала в бане белье и громко читала какие-то стихи, которые мне не понравились. Я спросил ее, чьи это стихи.

-Мои,- ответила она.

А так как я всегда выражал вслух даже самое нелицеприятное мнение, то я фыркнул: «Какая гадость!»

Обидевшись, Лена вырвала пучок крапивы и стеганула меня по голым ногам. Сказав при этом, что я сопляк, чтобы так отзываться о поэзии. И вообще, мол, стихи пишут только очень одаренные люди. А ты, дескать, еще не только писать, но и читать толком не умеешь.

От боли и обиды я в запальчивости выкрикнул ей, что она нехорошая девчонка и не умеет писать стихи, а что я буду писать стихи и намного лучше ее. Потом убежал к речке, что текла за нашим огородом, и, опустив ноги в воду, от боли поскуливал, как щенок. Речка была мелкая, как говорят, «воробью по колено», с низкими заболоченными берегами. И тут недалеко от речки в луже я увидел головастика. Как появились стихи, не знаю. Но, глядя на головастика, я заговорил стихами:

Головастик маленький

В лужице пригрелся.

Видно хочет баиньки,

Вон как он наелся.

Словно шарик кругленький,

Пузыречек с хвостиком.

Головастик маленький,

Ну, какой ты толстенький!

Это было первое мое стихотворение в жизни. Придя домой, я небрежно прочитал его Лене. Она фыркнула и сказала, что плагиатством заниматься, да еще в таком возрасте, подло, и выдавать за свое – нечестно. Я не

знал, что такое плагиатство, и подумал, что это нехорошее слово, и что так только обзываются, поэтому ответил, что стихотворение это – мое, а обзываться тоже подло. Она рассмеялась и, показывая на гулявших во дворе кур, сказала: «Сочини про курицу, если ты утверждаешь, что сам сочинил про головастика». Вечером я ей рассказал стихотворение про курицу. Так, еще корявым почерком, кое-как выводя буквы, я начал писать стихи. Спасибо Валерии Ивановне, это она бережно собирала разбросанные листочки с моими стихами. Я в то время всерьез к ним не относился.

После того, как меня отвезли в детдом, я некоторое время стихи не писал. Новая обстановка, новые люди. Но потом тяга к стихам взяла свое, и я потихоньку начал вновь их писать и отправлять в письмах Валерии Ивановне. Ребятам и воспитателям я не рассказывал о своем увлечении. Боялся насмешек, да и что-то внутри мне подсказывало, что делать этого не надо. Но как-то я сглупил. Под неотступным впечатлением деревенской красоты, которую я видел в Потанино, я написал стихотворение о деревне и – чего мелочиться! – послал его в газету «Пионерская правда». На конверте не решился указать адрес детского дома, да и просто не хотелось мне, чтобы в редакции знали, что я – детдомовец, стесняясь этого, и указал адрес школы. Но ответа из газеты не дождался. Зато, некоторое время спустя, меня вызвали на совет пионерской дружины, где зачитали мое стихотворение и начали «пропесочивать». И совсем мне стало неуютно, когда я здесь увидел учительницу по литературе и завуча школы.

С учительницей по литературе и русскому языку у меня были, можно сказать, довольно неприятные отношения. Нет, я не был неуспевающим по этому предмету. Скорее наоборот. Но всегда ловил на себе ее пронзительный взгляд, который, казалось, прошивал меня насквозь. Про себя я называл ее Багирой. Называть ее истинное имя не хочу, условно назову ее Валентиной Марковной. Естественно, она не знала моих увлечений стихами. Боже упаси! Кому-кому, а уж ей-то я и под пытками бы не рассказал. И еще меня настораживало то, что она чаще других вызывала меня к доске, как бы не доверяя мне в знании этого предмета и проверяя, выучил ли я урок. Ответы мои выслушивала, казалось, чрезмерно внимательно. Все это воспринималось мной как придирки, и я считал себя нелюбимым ее учеником. Впрочем, по своему врожденному колючему характеру, я никому не навязывался ни в друзья, ни в любимчики. Только однажды, когда я отвечал у доски, она оборвала меня вопросом, много ли я читаю и что читаю. Я ответил, что читаю мало и, в основном, сказки. И опять этот холодный, насквозь пронизывающий

взгляд. «А мне кажется, что Вы – начитанный мальчик, и интерес у Вас к более серьезным книгам», - холодно сказала она.

...Благородный гнев полыхал в глазах каждого говорившего. А говорили много, весь совет пионерской дружины. И каждый подчеркивал, что я не достоин носить звание пионера, что я подло оклеветал советскую деревню и опорочил ее в своем стихотворении, что я играю на руку империализму и так далее. В общем, в 11 лет я – враг народа да и только. Мне был задан вопрос, где я видел такую захудалую деревню, о которой написал в стихотворении? На что я простодушно ответил, что был в деревне у бабушки, там и видел. Почти все говорили, что стихи мне писать еще рано и нечего портить чернила и бумагу, что надо жизнь узнать, а потом уже клеветать на нее. И даже с ехидцей скабресничали: дескать, поэт выискался!

Из пионеров меня не исключили благодаря вмешательству Валентины Марковны. Во время «чистки моей совести» она все время о чем-то шепталась с завучем, и та с интересом стала смотреть на меня. Потом сказала: «Не надо спешить с исключением Старкова из пионеров. Кто знает, может, и правда в будущем из него вырастет поэт или писатель?»

Потом уже в коридоре, где я стоял обиженный на весь мир, Валентина Марковна подошла ко мне и в несвойственной ей манере доброжелательно сказала: «Эх, Гена, Гена! Душа у тебя добрая, честная, но стихи надо писать очень осторожно. Надо быть в этой жизни похитрее и погибче. А ты прямой, как указка».

В интернат я вернулся удрученным. Ко мне подошла воспитатель Диана Петровна Шарова, которую я боготворил. Очень ласковая и внимательная женщина. Я по-детски был влюблен в нее. Она мне что-то сказала, а я в ярости огрызнулся. Что я ей сказал, не помню, но она мне влепила звонкую пощечину... Богиня рухнула в моих глазах.

Д.П.Шарова

Вечером я ушел на пристань и пробрался на пароход. Решил: «С меня хватит. Пора ехать на юг, в теплые края». Но опять перепутал. Пароход привез меня в город Молотов. Там я шлялся по улицам, простудился и с высокой температурой попал в детский приемник, откуда вскоре забрал меня курьер из Оханского детского дома и привез в Оханск. И вот тогда-то я и попал «на прием» к директору детдома Александре Федоровне. Вспоминать не хочется, что я там выслушал. Но

судьба моя уже была predetermined: заканчивай семь классов и вон из детдома!

В самостоятельности я уже не участвовал, на смотры меня не стали брать. Но на зимние каникулы все же отпустили в деревню, и я все рассказал Валерии Ивановне. Она выслушала и грустно сказала: «С советской властью не шути. Она тебе мать. Она тебя кормит, воспитывает, учит. А тебе тем более надо быть тише воды и ниже травы. Хорошо, что не докопались и не вспомнили отца и мать». Я, конечно, возмутился, причем тут родители, но она только отмахнулась и добавила: «А стихи пиши, но никому не показывай, пересылай мне. Настанет время – и они увидят свет». И, вздохнув, сказала: «Дожить бы мне до этого!»

И опять я ее не понял. Но больше она мне ничего не сказала. А я мучительно терялся в догадках, почему взрослые скрывают правду. Ведь про деревню я ничего не придумал. И наперекор всем и вся я снова написал стихотворение «Моя деревенька», которое впоследствии было положено на музыку и стало песней. И опять звучали нелицеприятные для общества слова:

...Милая моя ты деревенька,
Всеми ты забыта в закуточке.
Вниманье б уделить тебе маленько,
Да не найти на карте этой точки.

Вернувшись после зимних каникул в детдом, не знаю, почему, но я показал это стихотворение Багире. Она прочитала его, посмотрела на меня своим препротивнейшим взглядом и попросила оставить его у нее. Я не согласился, так как испугался, что меня опять будут разбирать на совете дружины. А ведь на нем я обещал больше не писать стихи. Поняв мое опасение, Валентина Марковна просто сказала: «Оно будет только у меня, я обещаю». А после занятий подошла ко мне и попросила меня помочь ей донести до дому стопку книг. Нехотя я согласился.

Дошли до ее дома. Я поставил стопку на крыльцо и собрался уходить. Но она попросила занести книги в дом.

До этого из учителей я бывал дома только у Шефера. Он всегда ко мне относился очень тепло. И пусть нечасто, но приглашал к себе домой. Благо, что дом его находился напротив нашей школы. У него мы беседовали на различные темы. Шефер никогда не бравировал, что он – взрослый, учитель, а я – ребенок, его ученик. Ему, видимо, нравились мои детские независимые высказывания по поводу видения жизни. Он тоже не знал, что я пишу стихи, но часто в беседах он как бы спрашивал

то ли себя, то ли меня, откуда у меня такое видение жизни и такие знания в литературе. И очень тепло отзывался о Валентине Марковне, видимо, думая, что она мне дала такие знания. Я старался уйти от ответа.

...Зайдя в дом, я очутился в таком ухоженном и уютном «гнезде», что даже растерялся. Она усадила меня за стол. В ее глазах было столько тепла и ласки, что я, забывший, что такое материнская нежность, растерялся, и мне стало как-то неудобно. И еще больше защемило мое сердце, когда она ушла в другую комнату и вышла оттуда в домашнем халате. Какая она стала домашняя! И это уже была не та учительница с холодным презрительным взглядом, а какая-то очаровательная, милая и ласковая мама. Я весь сжался, и мне стало так жаль себя, что будь я девчонкой – наверное, бы расплакался.

Видимо, она заметила мое состояние и, наклонившись надо мной, ласково заглянула мне в глаза. О, боже! В широко распахнутом вороте халата я увидел женские груди. В голове зазвенело. И я не заметил, как щекой прижался к ним, и все поплыло в каком-то тумане. А она, прижимая мою голову к груди, гладила и гладила по моим ершистым вихрам...

Потом, после того, как она накормила меня, мы сидели на диване, и я читал ей свои стихи. Более внимательного слушателя мне больше никогда не приходилось встречать. Перед уходом она снова прижала мою голову к груди, а потом поцеловала меня в щеки. И я запомнил ее, как будто кому-то негромко сказанные слова: «Господи! Не дай кому-нибудь поломать ему жизнь!».

С тех пор мы тайно дружили с ней. Как и прежде, на уроках она была требовательна ко мне. И я еще тщательнее стал готовиться к ее урокам. Боялся, что она разочаруется в моих знаниях, да и не хотел огорчать ее плохим ответом. А на переменах, когда ненароком мы встречались в школьных коридорах, я иногда ловил ее тревожный взгляд. Чего она опасалась? Что я проболтаюсь? Но о чем? Она мне дала столько ласки, так не хватавшей мне, что я бы ни за что и никому не рассказал о нашей дружбе. Для меня это было свято. Я стал более сдержан и мало разговорчив. А на нее я смотрел, как на милую маму, и мне было грустно, что я хоть раз в день не видел ее. И весь мир мне казался добрым и улыбчивым.

Мне еще хоть раз хотелось побывать у нее дома. Но она не приглашала. Однажды мы писали на уроке сочинение на заданную тему. А я вместо него написал стихотворение. Когда получил проверенную тет-

радь, то мое сочинение было перечеркнуто красными чернилами, а внизу написано: «Не по теме». Но почему-то стояла оценка 3, а не 2. Выйдя из школы, увидел Валентину Марковну. На душе было неуютно, и я уже прошел мимо, как вдруг кто-то тронул меня за руку. Оглянулся – Валентина Марковна. «Может, поможешь?»- и, улыбаясь, протянула мне стопку книг. Так я снова очутился у нее дома. Как и в прошлый раз, мы вместе пообедали, вместе сидели на диване, и она, совсем как девчонка, обхватив ноги руками и уткнувшись подбородком в колени, слушала меня... Помню, она меня спросила, зачем я написал вместо сочинения стихотворение, да к тому же не по теме. «Если хочешь, чтобы никто не знал, так не надо и проявляться,- сказала она.- А сейчас давай-ка начнем с азов стихосложения. Я стихи не пишу, но, как писать, думаю, смогу объяснить».

Так я получил первые уроки стихосложения. Впоследствии, будучи поэтом, я все время вспоминал ее уроки и отмечал, что, действительно, как писать стихи, Валентина Марковна знала.

Но после этого разговора я основательно замкнулся в себе. И долгие годы никто не знал, что я пишу стихи и музыку. И что автор песен, которые звучат по эфиру, вот он, рядом. А ведь «Песенку о спящей деревеньке», написанную мною в 12 лет, в исполнении Ленинградского вокально-инструментального ансамбля «Вечерний звон», слушали во Франции, Испании, Португалии.

А эта замкнутость в отношении своего творчества так во мне укоренилась, что даже жена узнала, что песни, которые она слушала в моем исполнении на вечеринках, в кругу друзей, были мои, только спустя четверть века нашей совместной жизни. Я их всегда выдавал за песни чужих авторов, за что потом и поплатился. Но были и курьезные случаи.

Как-то, живя уже в Ленинграде, мы с младшей дочерью Наташей поехали на Карельский перешеек в Комарово позагорать на пляже. Недалеко от нас расположилась группа девушек. Приемник, что был с ними, был настроен на «Маяк». И вдруг в эфире зазвучала моя песня «Колокола». Дочь толкнула меня в бок: «Папа, там твою песню поют». Я отмахнулся. Когда песня кончилась, одна девушка громко сказала подругам: «А вы знаете, что автор этой песни попал в аварию и погиб? Сама слышала по радио. Он жил в Эстонии. Напился и поехал кататься. Врезался в дерево, и голова отлетела». На что ей другая девушка ответила: «А я слышала, что он спился, попал в психушку и там повесился. Жил он у нас в Питере, а не в Эстонии. Да все они в жизни выпивохи, пройдохи и сволочи!» Я лежал рядом, и мне было смешно и

горько. Откуда эти нелепые слухи? Знали бы девушки, что автор этой песни, который, по слухам, спился, не пьет даже пиво. Не курит и в психушку никогда не попадал. И что вот он, рядом с ними, живой и невредимый, лежит и дремлет под лучами солнца. Но говорить я им ничего не стал, только дочь недоуменно смотрела то на них, то на меня. Но я прижал палец к губам и подмигнул ей. Мне просто захотелось узнать еще что-нибудь про себя. Но девушки переменили тему разговора...

Меня часто спрашивают, сколько я написал песен. Почему-то многих интересует этот вопрос. Даже в феврале 2007 года, когда по телевидению была передача о моем творчестве (передача была прямая по двум каналам, и шла без записи прямо в эфир), телеведущий задал мне этот же вопрос. Я ответил, что где-то около 15. На что он удивленно поднял брови и сказал, что наверняка знает, что у меня написана сотня песен и даже более. Я ему пояснил: написано, может. Даже более двухсот песен, но я считаю песнями только те, которые поет народ, которые звучат в эфире и радуют сердца слушателей. А те, что лежат мертвым грузом и никому не нужны, это не песни, а так, стишки! Да, мною написано около шестидесяти музыкальных композиций, но не значит, что они все и всем нравятся. И я не понимаю моих знакомых поэтов-песенников, которые с гордостью говорят, что написали и 400, и 600 песен. А один знакомый маститый поэт сказал, что им написано 2000 песен! И когда я говорю, что мною написано всего 10-15, они скептически улыбаются: что же, мол, ты ленишься? На что я им парирую: «Вот вами написано 400, 600 и даже 2000 песен, а где они? Кто их слушает? И для кого вы пишете? В письменный стол? Вы даже названия не помните своих песен! А я без бумажки-подсказки выступаю на сцене в двухчасовой программе со своими песнями и не сбиваюсь с текста. И потому мне не нужна дешевая слава: что вот, мол, я столько песен написал! Лучше я напишу две-три песни, но такие, чтоб народ их полюбил.

В связи с этим мне дорогои слова моего любимого композитора Исаака Шварца. После того, как он написал музыку к кинофильму «Белое солнце пустыни», он стал моим кумиром. Узнав обо мне, он захотел встретиться со мной, простым автором-исполнителем. И потом, прослушав меня, а впоследствии, давая интервью, отзывался обо мне с отеческой теплотой:

- К сожалению, у нас исчезает лиричность и певучесть в песнях. Изнуряющий ритм и грохот, с постоянным надоедливym повторением удачного аккорда или удачной строчки,- вот направление основной молодежной музыки. И одним из последних, немногих, кто еще старается сохранить традиции лирической песни, – это Геннадий Старков,

который на сегодняшний день, пожалуй, самый лиричный и мелодичный из ныне живущих авторов-исполнителей.

Конечно, я горжусь такой высокой оценкой именитого композитора, но думаю, оценка эта несколько завышена, и поэтому нос задирать от гордости пока преждевременно.

- И все-таки, какова же была Ваша родословная? Что за тайны она скрывала?

- Оказалось, Валерия Ивановна – моя бабушка по матери, воспитанница Санкт-Петербургского Смольного института благородных девиц. Уехала на Урал за своим опальным мужем (истинная декабристка!). С какого-то бока родственница князей Юсуповых. В 1965 году она умерла. Перед смертью (об этом спустя много лет рассказали мне учителя, ее бывшие ученики) она попросила свою дочь Маргариту Николаевну срочно вызвать меня в Юго-Камск. В то время, после службы в армии, я жил в Приморье. Как она сказала учителям (тем, которые приходили к ней, уже тяжело больной), она хотела передать мне что-то важное. Но Маргарита Николаевна написала мне письмо намного позже, когда Валерия Ивановна умерла.

Маргарита Николаевна (урожденная Петровна), когда ее отец (мой дед по линии матери) ушел с отступающими колчаковцами, отреклась от него, сменила отчество, изменила первую букву фамилии с Ю на И.

Отец мой, графского сословия, кадровый военный в чине полковника, был расстрелян в августе 1945 года. Мать, учительница, была арестована и тоже вскоре расстреляна как враг народа. Сейчас они реабилитированы, как и многие. Обо все этом я узнал от комиссии, которая находится при петербургском дворянстве. Это они меня нашли и пригласили в дворянское собрание, а также указали на нужные архивы по моей родословной. Но это уже не относится к нашей с вами тематике.

Если было бы такое звание «Почетный воспитанник детского дома», то я своим поведением никак не тяну на это звание. Есть более достойные, например, Валя Култышева, Марина Коростелева, Лида Галкина, Боря Калинин, Саша Сединин, Леня Черенев, Люся Сальникова. Это они были примером для воспитанников. Это они цвет и гордость детского дома. А я вон какой шалопай! Сейчас даже и вспоминать стыдно.

В настоящее время женат. В 2006 году исполнилось сорок лет нашей совместной жизни. Две дочери. У каждой по сыну. Так что я уже дедушка – двухсерийный.

Я счастлив тем, что меня в семье все очень любят. А внуки стараются походить на деда: не пить водку и не курить.

* * *

Поэт Алла Благирева в творческой рекомендации Г.И.Старкову в Межрегиональный Союз писателей Северо-Запада в 2001 году писала: «Писать о творчестве Геннадия Старкова и просто, и сложно. Просто потому, что это действительно талантливый человек. Своими многими песнями-стихами он заслужил любовь и почитание нескольких поколений любителей бардовской песни. Многие его песни поются как народные, а имя автора им неизвестно. Вот поэтому вступление Г.И.Старкова в Союз писателей необходимо и даже запоздало. Эту несправедливость нужно поправить, ведь он был популярен, когда еще Владимир Высоцкий только начинал. Бесподобно душевные, чистые и прекрасные, ставшие бардовской классикой его «Колокола», «Попутчица» и многие другие. Исполняет он их замечательно, владеет гитарой и аудиторией, его любят.

Это о том, что на виду и, вроде бы, просто. А сложно потому, что Геннадий Старков – человек многогранный, непростой, проживший долгую, трудную жизнь не созерцателем, а активным, истинно заинтересованным всем происходящим в жизни людей и любимой им крепко России. С волнением, радостно и соучастно прочитываешь его книгу «Колючая душа». В ней размышления много повидавшего и пережившего человека. Искренность, гражданская смелость, житейская мудрость граничат с философским полетом мысли своеобразного, неординарного ума...»

Г.И.Старков – член международного профессионального Союза писателей, член Союза поэтов Санкт-Петербурга, член Российского межрегионального Союза писателей Северо-Запада, лауреат многих фестивалей, победитель финала третьего Московского фестиваля в номинации «Авторская песня», прошедшего в апреле 2006 года.

Глава 10

Николай Макурин

В овраге, возле которого стояли здания первого детского дома, весной всегда собиралась вода, и мальчишки, «приватизировав» на время прясла от забора, которым был обнесен детдомовский сад, пускались на них вплавь. Воображая, что не маленький залив вокруг, а воды океана плещутся в бревна их плотов, на которых они пустились в большое плавание, ребята проводили там немало времени. Старшие «путешествовали», а младшие пускали кораблики в том же овраге, в мечтах уносясь вместе с ними к неведомым берегам. Среди этих мальчишек был и Коля Макурин.

Жизнь в детском доме для него была интересной, разнообразной. Например, он очень любил спорт. Занимался всеми его видами, какими было возможно. Такую мускулатуру накачал, что врачи изумились, когда он попал к ним на операционный стол с аппендицитом. А еще он был в бригаде птицеводов, сам вырастил селезня. Играл в духовом оркестре...

В детский дом Коля попал уже в послевоенное время. Хотя маму его подкосила война. Она служила авиатехником на Карельском фронте во время Великой Отечественной, там и обморозила ноги. Они стали болеть, а через несколько лет отнялись. К тому времени у нее на руках было два сына: старший Борис и младший Николай. С мужем она была в разводе.

Когда случилось несчастье, Макурины жили в Юго-Камске. Шел 1954 год. Переехали сюда из Краснодара, где дислоцировался авиаполк, из-за того, чтобы быть поближе к бабушке, к родным. А в Краснодаре ютились в старом домике с земляным полом, куда устроила маму

Николая и Бориса ее подруга-однополчанка. В Юго-Камске мальчики пошли в школу. Но маму положили в больницу. Вся надежда была на бабушку. Но она вскоре тоже слегла.

- Мы остались одни, - рассказывает Николай Макурин. - Как могли, нам помогали родственники (дядя с женой). Но у них самих было четверо детей. Что было делать? Мама отпросилась из больницы и повезла нас в Оханск, в детский дом. Сама еле двигалась на костылях. Мы ей помогали.

Так братья Макурины были определены в детский дом №1. Николая поместили в четвертый интернат, а Бориса – в первый. Первыми воспитателями у Николая стали Лидия Владимировна Голдобина и Людмила Викторовна Устинова. Учился он тогда в первом классе. Учительница у него была Екатерина Ивановна Винокурова. В классе было 43 человека.

- Помню, в эту лютую зиму мороз был 45 градусов, а мы пошли учиться. Екатерина Ивановна зашла в класс и очень удивилась, что почти все пришли в школу, - вспоминает Николай Иванович отдельные эпизоды из своего детства.

В четвертом интернате пробыл два года, потом перевели в третий, где и жил до самого выпуска из детского дома после окончания 11 классов. Жили младшие вместе со старшими, уже тогда десятиклассниками: Сергеем Чесноковым, Владимиром Гостевым, Анной Тупициной, Клавой Калининой. Воспитателями были Лидия Владимировна Голдобина, Любовь Федоровна Усталова, Степан Власович Коростелев.

В 1965 году Николай поступил в Пермский политехнический институт на химико-технологический факультет в группу АПП (автоматизация производственных процессов). После окончания института в 1970 году женился и по распределению уехал с другом Николаем Шумайловым, воспитанником Оханского детского дома №2, одноклассником, в город Орск Оренбургской области на завод «Синтезспирт». Работал там слесарем КИП и А, мастером участка. В Орске родились дочь и сын. В 1975 году семья Макуриных переехала жить к родителям жены в город Лысьву Пермской области. Николай Иванович работал там инженером КИП и А на вновь строящемся водозаборе, а затем на Лысьвенском металлургическом заводе. В 1978 году семья вновь переезжает, теперь в Юго-Камск. Макурин поступает на завод. Работает инженером по своей специальности, затем заместителем начальника цеха, его начальником. С 2006 года, после некоторой реорганизации, когда цех разделили на два, Николай Иванович стал работать заместителем начальника меха-

норемонтного цеха. Такой вот трудовой путь длиною, на сегодняшний день, почти что в сорок лет.

В личной жизни не все складывалось гладко. Разошелся с женой и женился вторично. От первого брака дети стали взрослыми. Дочь, окончив мединститут, работает стоматологом. Сын окончил Пермское ВАТУ, а затем Академию имени Жуковского в Москве. Живет и служит в столице. А Николай Иванович стал уже дедушкой. От второго брака старший сын окончил Пермский филиал Московского университета коммерции, младший – финансово-экономический колледж.

А детский дом? Помнится ли он? Но разве детство можно забыть? И Н.И.Макурин рассказывает о наиболее ярких событиях из жизни детского дома:

«Конечно же, это праздники. А их было немало. Новый год, День Советской Армии и Военно-Морского Флота, 8 Марта, 1 Мая, День Победы, 19 мая (День пионерии), 7 ноября, именины, дни открытия и закрытия пионерского лагеря в детском доме.

Подготовка к Новому году начиналась чуть ли не после празднования годовщины Октябрьской революции. Репетировали новогодние пьесы, сценки, танцы, песни в каждом интернате. Делали ледяные катушки перед каждым интернатом под вид сказочных героев, украшали интернаты внутри. В каждый интернат ставили елку. Но главную елку ставили в нашем третьем интернате, так как общедетдомовский праздник проводили здесь. Всем воспитанникам давали новогодние подарки. И шефы нам дарили подарки. Лучших воспитанников в каникулы возили в Пермь в какой-нибудь дворец на елку. Чаше возили во дворец имени Свердлова.

В зимние, весенние, летние и осенние каникулы отмечали день рождения воспитанников. Стряпали в столовой на весь детский дом пельмени, делали это под музыку, с песнями, шутками и смехом. В эти дни именинников поздравляли, дарили им подарки, для них ставили концерт силами воспитанников и воспитателей. Были танцы под духовой оркестр, под баян, пианино и радиолу. Танцевали переходный и медленный танец, вальс, «Краковяк», «Падеспань», «Палекатр», польку-тройку, русского, танго и более современные – твист, чарльстон, шейк. Оркестр был свой, детдомовский, в нем играли воспитанники разных интернатов. Руководителем был Алим Карлович Паульчук. На баяне играл инструктор по труду (по работе с деревом) финн Матвей Александрович Гвягянен. Он был эвакуирован в войну с детским домом из блокадного Ленинграда, да так и осел в Оханске, женившись на Екатерине Ивановне, которая работала кладовщиком в детдоме.

23 февраля был тематический вечер. Девочки дарили мальчикам подарки, изготовленные своими руками: вышивки, вязание, лепка и другое. Был концерт, посвященный Советской Армии и Военно-Морскому Флоту. Иногда приезжали бывшие воспитанники на побывку из армии и рассказывали нам про свою службу. Проводились викторины, конкурсы, были танцы, где девочки приглашали танцевать мальчиков, а не умеющих учили танцевать. Всех сотрудников детского дома – мужчин дети поздравляли и дарили им подарки.

8 Марта тематический вечер был посвящен Международному женскому дню. Рассказывали, как возник этот праздник, что он означает и как этот день отмечается в других странах. Вечер проводили, в основном, мальчики. Они дарили девочкам свои поделки из дерева, лыка, соломы, кожи. Приглашали девочек танцевать или просили их научить танцевать. Всех воспитательниц и других сотрудниц детского дома дети поздравляли и дарили им сделанные своими руками подарки. Ставили концерт. Приглашали шефов. Кроме танцев, были лотереи, игры, аттракционы, песни, шутки. Всем было весело.

К 1 Мая и 9 Мая готовились заранее. Обсуждали, как украсить колонну детского дома, готовили форму. Духовой оркестр разучивал новые марши, репетировал гимн, туш, военные мелодии. Город украшался флагами союзных республик, транспарантами. В Первомай шли колоннами все организации города на городской стадион, где проводилось торжество. Играл сводный духовой оркестр. Пять духовых оркестров было в то время в Оханске. Играл так, что, как мама говорила, было слышно даже в Юго-Камске. Чествовали участников войны и тыла. Проводились различные художественные и физкультурные выступления предприятий, организаций города, спортивные соревнования. Все было так красочно, празднично. В этот день нам давали каждому по 20 копеек

на карманные расходы. Покупали мороженое, газировку, конфеты, пряники, вообще то, чего редко давали в детском доме.

19 мая проводился районный праздник пионерии. К этому дню подводили итоги смотров художественной самодеятельности детских коллективов района и города, выставок детского творчества, спортивных достижений. Все одевались в праздничную пионерскую форму, шли колоннами с пионерскими флагами и песнями на стадион, там председатели пионерских дружин рапортовали первому секретарю райкома ВЛКСМ о своей работе, о достигнутых успехах. Были красочные выступления художественной самодеятельности пионерских дружин, спортивные соревнования с жаркими баталиями, радостью побед и разочарованиями проигрышей, игры, конкурсы, аттракционы и многое другое. Знакомились, обменивались адресами, дружили. Это был светлый хороший день. И вновь, теперь, правда, только пионерам детдома, давали по 20 копеек на карманные расходы.

В день открытия лагеря подводили итоги учебного года, награждали лучших в учебе учеников. Шефы дарили детскому дому подарки. Это были велосипеды, настольные игры, мячи, скакалки и другое.

В день закрытия лагеря подводили итоги трудового лета, отмечали подарками воспитанников, отличившихся в труде.

Дни открытия и закрытия пионерского лагеря в детском доме запомнились выездом на природу – на берег реки Очер.

Прямо на поляне расстилали простыни, на них накрывали обед. Играли в разные игры, купались, кувыркались, бегали по поляне, пели пионерские песни. Все завершалось вечером пионерским костром. Пели:

Гори, костер, поярче, гори, не догорай,

А завтра лагерю скажем: прощай, прощай, прощай!

После этого шли пешком в детский дом.

Коля Макурин

На время летнего пионерского лагеря в детском доме организовывали различные трудовые бригады: овощеводческую, полеводческую, садоводческую, коневодческую, свиноводческую, кролиководческую, птицеводческую, хозяйственную, цветоводческую.

У детского дома были свои поля, они располагались между городом и плодопитомником, свой сад (ныне там узел связи). За всем этим ухаживали воспитанники: высаживали, выращивали культуры и собирали урожай. Были покосы на берегах Очера и Камы, на которых заготавливали сено на зиму для домашних животных детского дома.

Запомнились выезды в ночное на лошадях, выезды всем детским домом на сбор ягод и грибов, походы на Каму весной на заготовку березовых веток для метел. Летом походы в лес на заготовку веток на банные веники.

В детском доме были свои баня, прачечная, кухня, столовая, кузница. Был даже американский колесной трактор «Фордзон». А потом появился гусеничный трактор ДТ-45, автомобиль ЗиС-5.

В составе десяти лучших воспитанников детского дома в августе 1961 года я плывал на шефском теплоходе «Красногвардеец» до Ростова-на-Дону. Впечатления от этого круиза остались на всю жизнь.

Также неизгладимые впечатления оставила поездка в августе 1962 года, в составе десяти лучших воспитанников, в Москву. Жили в 16-м корпусе гостиницы «Золотой колос», недалеко от ВДНХ. Были в мавзолее В.И.Ленина, на ВДНХ, катались в метро, были на стадионе имени В.И.Ленина на футбольном матче Zenit-ЦСКА, гуляли вечером по Москве, от радости пели песни. Каждое утро открывали в комнате окно и кричали во весь голос: «Здравствуй, Москва!»

В 1961 году летом праздновали 40-летие детского дома. Мы так к нему готовились, переживали, волновались. Как же, ведь приедут со всех концов Советского Союза бывшие воспитанники детского дома разных лет выпуска! На совете пионерской дружины решили, как всех встретить, чем занять, какой концерт подготовить, как украсить интернаты, что подарить гостям на память. И вот все готово. К определенному дню стали съезжаться бывшие выпускники: степенные дяди и тети, средних лет, помладше и совсем молодые, почти наши ровесники из ремесленных училищ, фабрично-заводских школ. Был грандиозный праздник, концерты нынешних и бывших выпускников, спортивные соревнования, выезд на природу, обмен подарками, адресами, фотографиями, воспоминания о жизни до детдома, в детдоме и после него. Рассказывали, кто кем стал, где и как живет. Всем было интересно, хорошо, легко и радостно.

В 1965 году мы втроем, Галя Сальникова (Семенова), Леня Черенев и я окончили 11 классов средней школы, и нас выпустили из детского дома. Каждому из нас подарили наручные часы»

Коля Макурин, Галя Сальникова,
Леня Черенев

Глава 11

Ее семья

- Ребята, а вы смогли бы нам помочь? – несколько человек, приехавших в детский дом с завода «Камкабель» ждали ответа. Они были шефами, и воспитанники их хорошо знали. Одни подарки к праздникам от заводчан столько приносили радости. А тут вдруг такой неожиданный вопрос. Мальчишки, а обращались именно к ним, притихли.- Ну, что же вы молчите?

- Поможем! Конечно, поможем! Только скажите, как?

- У вас есть мастерские, где вы работаете по дереву. Даже станки есть, чтобы вытачивать изделия из дерева. Так? Смогли бы вы изготовить для завода ручки для паяльников?

- Да, да! – радостно закивали ребята. Это ведь было так здорово: шефы обратились к ним за помощью, как к взрослым. А вытачивать изделия из дерева они умели.

Заказ был выполнен. Гордые мальчишки вручили заводчанам партию ручек. Делать очень старались. Шефы остались довольны и подарили детскому дому пианино. А еще (это уже в другой раз) завод подарил своим подшефным электропилу и электротопор. До этого заготавливали дрова на весь детдом (только интернатов было четыре, а еще баня, прачечная, все это обогревалось обычными печами, которые топили дровами) вручную, и ребятам приходилось нелегко. Так что подарок получился как раз кстати.

Были и другие друзья-шефы у первого детского дома, это - Камское речное пароходство. Какие интересные встречи проходили с речниками! И всем воспитанникам был знаком пароход «Красногвардеец». Поплывать на нем была мечта у многих. Но ее осуществление надо было заслужить. Каждое лето пароходство давало детскому дому путевки на этот пароход для водных путешествий до городов, расположенных по Каме, Волге, Дону. Ребятам очень дороги были такие подарки, но особенно дорого им было участие взрослых, таких серьезных людей в их жизни, а порой и в их судьбе.

Хорошие отношения с шефами были заслугой директора детского дома Александры Федоровны Чесноковой. Она пользовалась большим уважением как в районе, так и в области. Первый детский дом шел твердо и по успеваемости, и по трудовым делам. Дружный коллектив педагогов, в большинстве своем сменившийся и ставший моложе за счет прибывав-

ших выпускников детдома с уже полученным педагогическим образованием, растил и дружный детский коллектив. Пожалуй, ни один детский дом в Оханске не мог бы похвастаться такой сплоченностью. Причем, и после выпуска бывшие воспитанники его не теряли из виду друг друга, а также и своих воспитателей. Ежегодно в день рождения своего директора они собирались на встречу. Как одна семья.

И для Александры Федоровны Чесноковой главным в жизни был детский дом. Это была ее семья. И родным детям надо было это понять и принять. Наверное, не всегда это было сделать легко, видя, что тепло и силы души мама отдает чужим детям. Но старшие дочери впоследствии тоже окончили педучилище, работали в этом же детском доме воспитателями. В 1947 году Александра Федоровна вторично вышла замуж, став Чесноковой. У мужа было своих трое детей, да у нее трое. Потом родились еще сын и дочь. Сын умер от менингита. А Наташа, можно сказать, росла в детском доме. Нет, она жила дома, но, когда родители на работе, куда деваться маленькой девочке?

- Мне разрешалось все,- рассказывает Наталья Ивановна. – И заниматься с воспитанниками, и играть с ними. Только есть в столовой было запрещено. Если меня хотели чем-нибудь все же накормить, то прятали от мамы. Но детский дом стал и моей семьей. Именно здесь были мои верные друзья, и они остались друзьями на всю жизнь. Вот и сейчас,

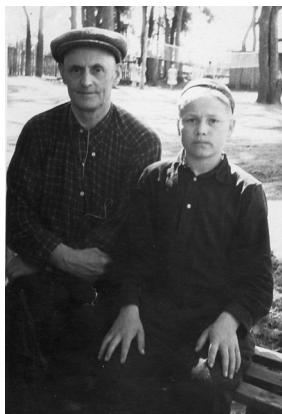

если что, готовы прийти на помощь. Они мне – родные.

Трудно в 1966 году уходила Александра Федоровна из детского дома. Ее перевели на должность председателя районного комитета народного контроля. Вероятно, в верхах был решен уже вопрос о ликвидации в Оханске двух детских домов. Директором была назначена М.П.Коростелева, до этого работавшая завучем. Ей пришлось взять на себя заботу о размещении детей, о сдаче имущества и так далее. Часть воспитанников отправили в третий детский дом, часть – во вновь организованную школу-интернат.

И лишь один сотрудник первого детского дома не ушел из него. Он остался доживать свой век на том месте, где жил, учился, смеялся, пел и танцевал многие годы большой ребячий коллектив.

...Когда-то в маленькую избушку, находящуюся на территории детского дома, поселила Александра Федоровна уже довольно старого человека – Ивана Александровича Каменских. В 1937 году он был репрессирован. Долго сидел в лагерях. Когда вернулся домой, жена его не приняла, и он прибил к детскому дому. Не чурался никакой работы. В ремонтах всегда участвовал, красил все, что было нужно. А с покрасочными материалами в то время было трудно, так он каким-то своим способом готовил олифу. Ребята его любили. И он к ним привязался, как к родным. Они часто навещали его, а он их то конфеткой угостит, то яблочком. Когда болел, они бегали по его просьбе за продуктами, за лекарствами. Уезжая из детского дома, они писали ему письма, присылали фотографии себя уже во взрослой жизни, своих детей, подписывая: «На память дяде Ване». Словом, он был член их большой семьи. А когда детского дома не стало, дяде Ване некуда было идти. Из избушки его никто не гнал, так как она никому не была нужна, но и не мешала никому. Бывшие воспитанники навещали старика, но часто они это делать уже не могли. И ему оставалось только рассматривать их фотографии и слушать шум ветра, приносящего летом с реки приятную свежесть, а зимой – холодное дыхание севера... Никто толком и не знает, когда дядя Ваня ушел из жизни. Просто вдруг избушка опустела, и закрылась последняя страничка жизни первого детского дома. Хотя, пока собираются его бывшие воспитанники на встречи, рассказывают о своей детдомовской жизни детям и внукам, он живет в их памяти.

**И.А.Каменских
(слева)**